

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 8-го Декабря 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11777.

МИНІАТЮРЫ.

Въ кафэ.

— Aspette... Подождите!..

Это странный, тихий и какой то ма-
нищій шепотъ сзади меня.

Оборачиваюсь и при свѣтѣ улич-
ныхъ фонарей вижу гоненкую, строй-
ную дѣвушку, скрѣе дѣвочку.

На фонѣ свѣтлой витрины магази-
на, она кажется еще тоньше. Тонкія
ноги и бедра охвачены узкой темно-
коричневой юбкой, бѣлая кофточка
открывает высокую янтарную шею.

Это прелестная голевка съ задум-
чивыми горячими глазами, съ малень-
кимъ кроткимъ ртомъ, который вы-
глядитъ такъ же наивно, какъ жел-
тый носикъ цыпленка. Пышные чер-
ные волосы красиво выбиваются изъ
подъ маленькой пестрой шляпки съ
блестящей эгреткой.

Я почти поражен:

— Неужели этотъ ребенокъ...

— Пйдемъ погуляемъ,—говорить она
уже болѣе рѣшительно и уѣбается.

— Куда же мы пойдемъ?

— На piazza Селлена сегодня музыка.

И совсѣмъ тихо она прибавляетъ:
— Посидимъ въ кафэ. Мнѣ кушать
хочется.

Эти слова вышли у нея такими ти-
хими и жалобными. Она взглянула на
меня съ испугомъ, и я прочелъ въ
черныхъ, задумчивыхъ глазахъ:

„Пожалуй и этотъ синьоръ прой-
детъ мимо“...

Мнѣ стало ее такъ жаль, и мы по-
шли вмѣстѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Біче,—говорить она и радостно
улыбается,—вѣдь съ нею идетъ синь-
оръ, господинъ, тотъ, котораго дол-
гими, мучительными часами ищутъ и
подкидаютъ ея подруги.

— Вы такая маленькая.

— О, нѣтъ!—пугается она.—Вамъ
кажется, синьоръ. Мнѣ скоро будетъ
шестнадцать. Маленькая,—дѣланно
смѣется она.

И я рѣшаю:

— Ей еще будетъ пятнадцать.

Идемъ вверхъ по Corso. Теперь
Біче устроилась. Ее интересуютъ
тысячи бездѣлушекъ, ко-
торые такъ заманчиво расположены
въ сплошныхъ магазинныхъ
витринахъ.

— Ахъ!—вздыхаетъ она и останав-
ливается.—Посмотрите, какія прелест-
ные вещи!

Предъ нами четки, бусы, распятія,
портреты паты въ мраморныхъ рам-
кахъ, камеи, стеклянные браслеты,
комичныя куколки, безчисленныя из-
дѣлія изъ коралла, мрамора, дерева.

Съ лица Біче совершенно исчезло
дѣланное выраженіе „взрослой“. Лю-
буется съ дѣтскими восторгомъ. Какое,
вѣроятно, счастье мѣла бы ей доста-
вить каждая изъ этихъ бездѣлушекъ!

— Хочешь, я что-нибудь куплю тебѣ?

— О, да! К-кой вы добрый!

Она посмотрѣла на меня съ удив-
леніемъ, почти недовѣрочно.

— Вотъ эту куколку, показываетъ
она на краснотнаго негра въ рубашеч-
кѣ, вышитой серебряными блестками.

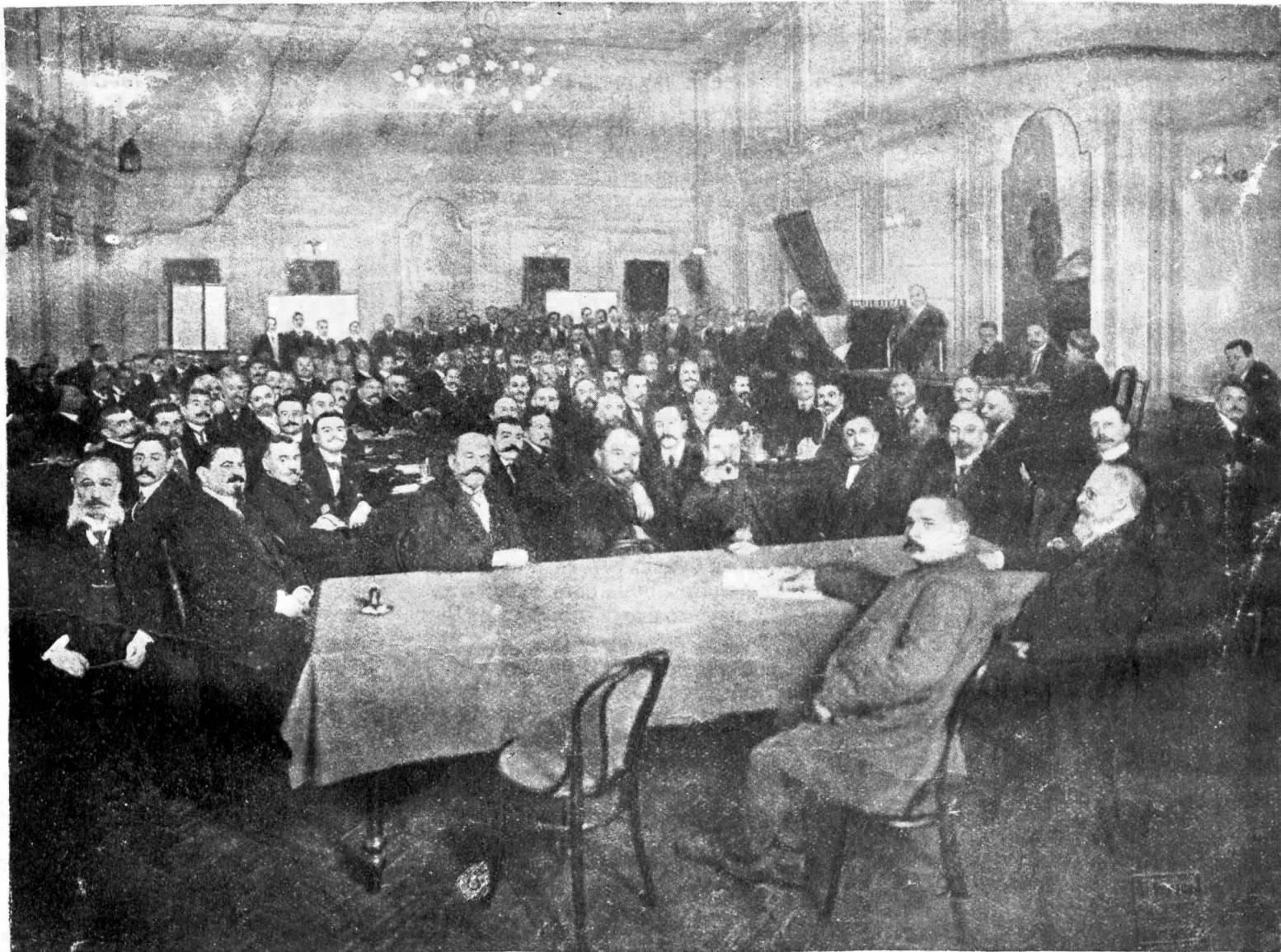
— А можетъ быть кораллы?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она рѣшитель-
но, не сводя глазъ съ негра.

Какая наивная. Вѣдь кораллы сто-
ятъ въ десять разъ дороже!

— Хорошо. Подожди меня здѣсь.

Черезъ минуту она схватываетъ нег-
ра, завернутаго въ папироную сум-
ку и прячетъ въ свою сумку, шитую
биссеромъ.

Чествование члена Государственного Совѣта Н. С. Авдакова на съездѣ горнопромышленниковъ юга Россіи по поводу
40-лѣтія его дѣятельности на поприщѣ южной горной промышленности.

Фот. А. М. Иванющаго.

† Начальник городской электрической станции

О. В. Маркс,

трагически погибший, упав с высоты 5 саженей, при осмотре кинематографа «Аквариум».

Е. К. Брешко-Брешковская,

Съ 1910 г. находится в ссылке Е. К. Брешко-Брешковская, известная въ русскихъ эмигрантскихъ кругахъ подъ именемъ «бабушки». Она была приговорена къ ссылкѣ за принадлежность къ партии с.-р. 24-го ноября Е. К. пыталась бѣжать, но неудачно. На 12 верстъ отъ Иркутска погоня встрѣтила повозку, въ которой находился мужчина. На козлахъ былъ одинъ ямщикъ. Немедленно же было установлено, что мужчина — переодѣтая Е. К. Брешко-Брешковская. «Бабушка» подъ усиленнымъ конвоемъ была отправлена въ Иркутскъ, и послѣ допроса заключена въ тюрьму. Е. К. 70 лѣтъ.

Piazza Colonna. Въ центрѣ играетъ оркестръ. Мелодичные звуки вальса такіе ласковые и такъ тихо умираютъ они, гдѣ то высоко, подъ бархатнымъ звѣзднымъ небомъ.

— Я бы потанцевала, — говорить Баче и смотрѣть на меня, какъ расшалившійся ребенокъ, которому строго-на-строго запретили все ребяческое.

— Любишь танцы?

— О-о! И пѣть люблю. Она начинаетъ что то тихо напѣвать.

Садимся за столикъ каѳе, недалеко отъ оркестра.

Оглѣдные возгласы:

— Pasta Granatino di limone! Cassatol!

Нечего кушать въ этомъ каѳе и дѣвушка поѣдаетъ только пирожныя и булочки, одну за другой.

Она стыдится своего аппетита и взглядываетъ на меня смущенно, точно просить извиненія.

— Какая у тебя хорошенькая кофточка и шляпка, — хочу я порадовать ее.

Ея лицо опять становится взрослымъ.

— Нужно, — говоритъ она. — Надо обратить на себя вниманіе.

— Достаточно того, что ты красива.

— О, нѣтъ! У меня есть подруга; она совсѣмъ красавица, но такая бѣдная. Она во всемъ старенькомъ. Вѣтъ на нее не смотрѣть. Туалетъ необходимъ. Когда я въ хорошенькомъ платьѣ — это все равно, что булочка, осыпанная сахаромъ и миндалемъ.

Я смѣюсь:

— Кто тебѣ научить этой мудрости? — Сестра. Раньше я жила у нея. Потомъ она сошлась съ однѣмъ неаполитанцемъ. Очень злой. Меня выгнали, я оставила школу. А знаете, синьоръ, я очень хорошо вышизила! Но найти работу трудно. А потомъ..

— Чѣмъ же потомъ?

— Такъ.. Всѣ говорили: «ты очень хорошенькая; тебѣ не нужно гнуть спину».

— И дурочка повѣрила?

— Развѣ я не хорошенькая? — Ты красавица, но на улицѣ мало цѣнятъ красоту.

Дѣвушка опустила глаза.

— Мѣжеть быть меня кто-нибудь полюбитъ, — сказала она грустно. — Это случается. (Она ожидаетъ) У меня будетъ своя комната. Диванъ, кухарка, — она будетъ готови въкусное, — будегъ толстая пушистая каша.

— Каша можно и теперь имѣть, — улынулся я.

— Да у меня есть, но она такая худая, ободранная, какъ я. Мнѣ хочется толстую, а чѣмъ я ее откормлю?

— Мнѣ вотъ тебѣ хочется откормить. Выѣлъ еще молочка.

— Благодарю.

Я разсмѣялся:

— Итакъ, ты все разнѣ, что булочки, осыпанная сахаромъ и миндалемъ?

— Когда въ хорошемъ платьѣ!

Она тоже расхохоталась, вдругъ раскрыла свою сумочку и достала негра.

— Смотрите, синьоръ, — говорила Баче, сдерживая смѣхъ. — Онъ идетъ къ вамъ взять пирожное... Какая ко-

† А. И. Тарасов-Стойкинъ,
режиссеръ театра Н. Н. Синельникова.

Н. Г. Лiovova,

юная поэтесса, покончившая въ Москвѣ самоубийствомъ 24-го ноября. Только три мѣсяца назадъ вышелъ сборникъ ея стиховъ съ предисловіемъ Валерія Брюсова.

С. И. Денинина,

сестра З. И. Прасоловой, убитой 9-го октября 1911 г. въ ресторанѣ «Стрѣльна». С. И. покончила самоубийствомъ въ Москвѣ 23-го ноября с. г.

мичная ножки!.. Теперь онъ взялъ. Тише, противный негръ! Самъ не ѿшь, неси пирожное ко мнѣ. (Она погрозила ему пальцомъ). Молодецъ! Всегда слушайся.

ПАДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКАГО КАБИНЕТА МИНИСТРОВЪ.

Луи Барту,
бывшій премьеръ Франціи.Гастонъ Думергъ,
новый глава французского кабинета
и мэръ иностранныхъ дѣлъ.Кайо,
главный виновникъ паденія кабинета Барту.
Мэръ финансовъ въ новомъ кабинетѣ
Думерга.

20.000 километровъ по воздуху.

Авиаторъ Элленъ на отдыхѣ.

Кубокъ Мишлена (призы въ 40,000 франковъ), присуждаемый за наиболѣе долгий полетъ, совершенный до конца года, достался пилоту моноплана Ньюпоръ Эллену, который за 39 дней непрерывнаго полета покрылъ 20,787 километровъ, ни разу не ремонтируя аэропланъ и не имѣя изношенныхъ частей.

Она крѣпко ската мою гуку и не отпустила. Сказала молящимъ голосомъ:

— Синьоръ, вы такой ласковый... Скажите мнѣ еще чѣмънибудь...

— Ну.. Ну.. Слушай, Биче я очень хотѣлъ бы, чтобы ты оять начала работать. Пдумай сѣмъ этимъ.

Мы разстались

Она скрылась въ полутемномъ переулкѣ. Я пошелъ внизъ по склона.

Сегодня она хорошо заснетъ. Но завтра снова встрѣтить кого-нибудь.

Онъ уже не будетъ такимъ глупымъ, и Биче не спроситъ его: «За что эти десять лиръ, синьоръ?»

— Да, — отвѣтила она серьезно.

— А потомъ кули себѣ чѣмънибудь вкусное... Досвиданья.

Моментъ.
Лизочка сидѣть въ своей нѣбольшой комнатѣ, на диванѣ. Задолжала точкѣ руки за голову и дремала.

Она то-лько что переписала въ тетрадь англійскій переводъ (Лизочка писѣла курсы Бергмана), переписала и теперь думала, что вечеръ очень скучный.

«Сейчасъ Авдотья прінесетъ самоваръ и французскую булку... Господи, какъ надоѣла эта французская булка! Пирожная... Наприѣръ, трубы съ кремомъ... Прошлый разъ въ кинематографѣ вѣла вафли.. Вѣдѣли тоже вкусны.. Если бы найти сразу два урожая! Только сразу».

Елизавета Сергеевна, мы согласны на ваши условия. Два часа въ недѣлю — птицадача рублей въ мѣсяцъ. Зачѣмъ пятнадцать?.. Двадцать пять. Если два урожа, то составится пятьдесятъ. Господи, какъ мнѣ!

Изъ дому сорокъ, да пятьдесятъ.. Рожкошь можно завести.. Около дивана поющій медвѣдь шкуру. Фонарь розовый повѣшъ.. Сядешь вѣчромъ на диванъ — ноги на медвѣдѣ шкуре.. Ахъ, какъ вы живете, Елизавета Сергеевна! У васъ медвѣдѣ шкура!.. «Не только шкура! Я не материалистка. Я очень люблю чтеніе. Хочу составить библиотеку. Вотъ, посмотрите, у меня полное собраніе сочиненій Брюсова и Андреева. Видите, какъ переплеты. Зеленые съ золотомъ.. А это что?.. Ноты. Я, вѣдѣ, учусь пѣть. Какая чудесная папка!»

Лизочка прошлась по комнатѣ. Посмотрѣла на часы, лежавшіе на комодѣ рядомъ съ зубной щеткой, гребнемъ, фланкомъ духовъ безъ алкоголя и крохотнымъ итало-руссскимъ словаремъ (этому языку учать припѣніи).

„Семь часовъ. Пойти куда-нибудь? А вотъ посмотримъ газету. „Гугеноты“. Господи, какъ они надоѣли, въ драмѣ „Обрывъ“.

Въ-первыхъ, неинтересно, вс-вторыхъ, галерка сей аѣтъ уже распродана. Черезъ чѣсъ спектакль. Въ миниатюры? Не стоитъ.

Во первыхъ, была нѣсколько разъ. Во вторыхъ, у меня въ кашелькѣ одинъ полтинникъ, а деньги получу завтра или послѣ завтра. Значитъ, сидѣть? Весь вечеръ! И чигать надоѣло. Хоть бы чай съ масломъ или трубоцками... Что ты выспилъ на меня глаза (Лизочка обратила свой упрекъ къ портрету какого-то ученаго, который висѣлъ надъ круглымъ столомъ).

Это называется обстановка! Маленький туалетъ... Зеркало нужно круглое и противъ свѣта.. Вылупилъ глаза и смотритъ! Вотъ сиди съ нимъ весь вечеръ. Повернитесь лучше затылокъ».

Она подошла къ ученому и отъ досады сдѣлала гримасу и показала языки.

Развеселило.

— Ничего, буду пѣть. Сосѣдей нѣть. Ушли. Я всегда стѣсняюсь пѣть, а думаютъ, что ломаюсь.. Куда ушли сосѣди? Думаю, въ театръ. Все гуляютъ. Счастливые. Иногда подъ утро приходягъ домой и псовистываютъ.

Дверь скрипнула. Вошла толстая Авдотья. Поставила самовъръ, зазвенѣла стаканомъ. Молча вышла.

— Пожалуйте, Елизавета Сергеевна! Кушайте французскую булку Вотъ вамъ и трубочи съ кремомъ.. Даже лимона нѣть! Ничего, пришлютъ деньги, — наѣмся вафель.. Все сама дѣлай! Шкафъ скрипить. Ищи сахаръ, ищи чай... Хѣтъ бы разъ кто нибудь заварилъ для меня чай, налилъ, поднесъ. А я бы лежала на диванчикѣ и пита.. И бутербродикъ съ ветчиной. Сегодня оѣть былъ этотъ вѣдяной супъ и котлета-подошва. За это шесть рублей въ мѣсяцъ надо платить, а не двѣнадцать. Грабители! Сами принасъ кормятся. И вся семья, дѣти и бабушка. Нашли дураковъ и рады. „Мясо дорогое“. Зато вамъ и пла-тять хорошо.

Дѣти поднесъ бы мнѣ чаю, а я лежу. Они рѣзкозываютъ, я смѣюсь. Весело. А можетъ быть, кто нибудь придетъ? Ну кого? Кому приходить? У Шуры зачегъ по какому то праву. Зина собирается въ опера. Федоръ Михайловичъ былъ въ субботу.

Богатое знакомство.. Да и не къ чему. Хи-хи, да ха ха. Ходятъ, ходятъ.. Все таки лучше, переодѣнусь. Пере-чесываться не надо. Шура часто говоритъ, что мнѣ къ лицу немножко расгребанная прическа... Вотъ зеле-

Максъ Линдеръ.

Журналистъ Петръ Пильский.

Шаржъ М. Грея.

ную кофточку можно. Наряднѣе, рукавчики съ кружевами.

Лизочка встала заасила чай, по-томъ сдѣла свою зеленую кофточку.

— Такъ лучше,—взглянула она въ маленькое зеркало. Теперь будемъ пить чай и что нибудь почтаемъ.

Лизочка сѣла къ столу быстро сѣла ломтикъ хлѣба запила чаемъ и заглянула въ книжку.

— Всѣ разсказы и разсказы. Писатели разуились писать романы. А какіе были интересные! У папы въ библиотекѣ. У него, вообще, очень много книгъ. Пишетъ, что скучаетъ. Мама тоже. Конечно, совсѣмъ дѣй не скучалось въ домѣ.. Стая шай Сережа въ Москву, въ университетъ, я зѣсь, четыре мѣсяца не видѣла мамочку...

За сѣвой раздался шумъ. Чрезъ заклѣнную обоями дверь кое-что можно было разслышать.

— Я очень рада.. Не забыли.

Это говорила дочь хозяинки.

„Конечно рада“ передразнила Лизочка. Будуть опять хохотать, возиться. Потомъ вдругъ замолкнутъ. Это „онъ“ (вѣрою, какой-нибудь будь тупой барбосъ) начинаетъ ее цѣловать, дочку... Совершенно увѣренна... Чаще они цѣлюются стоя, слегка топочутъ ногами. Потомъ у нихъ голоса становятся сбоянны, мягкие. У него еще гуще, а у нея тоньше и нѣжнѣе. Но развѣ это любовь? Съ дѣушкой, которую цѣлюешь, надо быть ласковымъ, ласковымъ. Все ей дѣлать надо. Не спорить, не возвышать голоса. Любоваться на нее, тихонько руки цѣловать и рассказывать что-нибудь нѣжное, нѣжное, тихое, тихое. Вотъ это счастье. А онъ хохочетъ, какъ лошадь какая то. Чувствую, что грубый. Чувствую, не цѣнитъ я любви... Сережа меня любилъ въ гимназии. Руку дамъ ему—уже счастливъ. Опустится на колѣни, обниметь меня за галю и смотрить, смотреть такими удивительными, нѣжными глазами.

За стѣной снова зазвенѣлъ сиѣхъ.

— Счастливые.. Я опять одна.. Шура ходить, ходить. Говорить, у меня замѣчательные глаза.. Но это не любовь. Ему просто нужна новая побѣда. Потомъ скажетъ: „Катку цѣлую. Таню цѣлую, а теперь и Лизку цѣлую, — всѣ ко мнѣ лѣнутъ Бабы. Нѣть, никто меня не будетъ любить такъ, какъ Сережа.. Вотъ на Рождество увидимся. Три года ухаживалъ и только цѣловаль мои руки. Такой нѣжный, робкій.

Лизка прошлась по комнатѣ, зглянула въ окно. Сѣрый дворъ, мутный сиѣгъ, едва различимыя очертанія какихъ-то сараевъ, въ глубинѣ чѣрный голый садикъ. Такое все грустное, одинокое.

Лизочка снова сѣла къ столу, опустила голову на руки и тихо заплакала.

Скорѣе дамой.. Что тутъ хорошаго... Такой противный, грязный городъ...

Мамочка ждетъ.. Собачки мои.. Котъ Мойсей.. Какой онъ у меня славный. Тоже соскучился.. Цѣлый день буду кушать, прыгать смѣться.. Сережа придетъ. Милый Сережа.. Здѣсь есть зѣты. И хозяйка, и Авдотья.. Эти глупые курсы. Мамочка, мнѣ домой хочется.. Бѣже мой, и не топятъ! Такъ холодно.

Лизочка накрылась платкомъ, сѣла на дивантъ, свѣрнулась комочкомъ и вдругъ задремала.

Ал. Станкевичъ.

